

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С ЧЛЕНАМИ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
КОНГРЕССА США Д. ФЭСЕЛЛОМ И У. БРУМФИЛДОМ

4 апреля 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Приветствую вас. Хочу выразить удовлетворение, что у нас есть возможность встретиться и поговорить. Хорошо, что контакты представителей Конгресса США и Верховного Совета СССР активизировались. Ведь одно время они были прекращены. Надо, чтобы их содержание не оставалось балластом, а осмысливалось обеими сторонами.

ФЭСЕЛЛ. Хочу сразу же сказать, что мы очень довольны нашей поездкой и благодарны за оказанную нам честь – быть принятыми Вами.

Хотим передать Вам письмо Президента Рейгана.

ГОРБАЧЕВ. *(Заслушивает перевод письма, благодарит.)* Судя по первому знакомству с его содержанием, могу сказать, что мы разделяем выраженные в нем мысли о необходимости продолжать усилия по улучшению наших отношений, начатые в Женеве. В письме есть и другие высказывания, которые аналогичны тому, что говорим и мы. Вы знаете, что в Женеве мы с Президентом и совместно, и по отдельности заявляли, что наши встречи полезны и должны проводиться, что общей целью должно быть улучшение отношений между нашими странами. Мы подписали Совместное заявление, в котором говорится, что в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана. Более того, мы записали в Совместном заявлении, что ни одна из сторон не будет стремиться к военному превосходству. Значит, думаем мы об одном и том же. Но когда дело доходит до действий по осуществлению договоренностей, то тут что-то не получается. Хотелось бы знать ваше мнение, почему это так?

ФЭСЕЛЛ. Да, это действительно важный принципиальный вопрос. Я выскажу, что думаю по этому вопросу. Но прежде всего позвольте мне от имени нашей делегации выразить Вам признательность за Ваше любезное согласие встретиться с нами, несмотря на Вашу огромную занятость. Мы видим в этом как предоставление нам важной возможности познакомиться с

Вашими взглядами по интересующим нас вопросам, так и проявление уважения к американскому конгрессу.

ГОРБАЧЕВ. Когда я ожидал вашего прихода, и сюда вошли журналисты, я сказал им, что, на мой взгляд, очень важно хорошо осознать две реальности. Мы признаем, что Соединенные Штаты – мощная держава, с которой нам предстоит жить. Это – реальность. Точно так же Соединенным Штатам необходимо признать реальность Советского Союза. Один персонаж нашего сатирика Салтыкова-Щедрина говорил, что хочет «закрыть Америку». У Советского Союза нет такого намерения. Да если бы оно у него и было, «сие от него не зависело бы».

ФЭСЕЛЛ. А у нас нет намерения «закрывать» Советский Союз.

ГОРБАЧЕВ. Вот это очень важно. Американский народ избрал свой образ жизни, свое правительство. Советский народ сделал свой выбор. Если бы мы начали ставить под сомнение выбор американского народа, то что бы из этого вышло? Что это была бы за политика? **Политика должна строиться на реальностях, на понимании того, что каждый народ имеет право самостоятельно избирать свой образ жизни, свою систему правления.** При этом мы, конечно, понимаем, что вам не нравятся какие-то аспекты нашей политики, нашей жизни.

ФЭСЕЛЛ. Я бы сказал, что у нас есть определенные вопросы в отношении отдельных аспектов вашей политики, но это, я считаю, в порядке вещей, и это не затрагивает вашего фундаментального выбора в таких областях, как основы политики, экономики, идеологии вашей страны. Мы убеждены в том, что Вы и ваш народ горячо привержены тому фундаментальному выбору, который вы сделали. В то же время в рамках этого понимания существуют, конечно, и некоторые вопросы деликатного характера, вызывающие трудности. Есть вопросы о том, как лучше всего добиваться контроля над вооружениями, как совместить наши отличающиеся друг от друга предложения с целью найти решения, которые позволят

уменьшить напряженность между нашими странами, наладить отношения, торговлю.

Как известно, у нас есть и вопросы, касающиеся некоторых советских граждан, которые являются одновременно гражданами США. Должен сказать, что вы неизменно проявляете готовность обсуждать любые вопросы. Действительно, по некоторым из них у нас нет ясности. Нам, прежде всего, не ясны причины, в силу которых эти вопросы возникают, – коренятся ли они в каких-то особенностях советского законодательства, в национальных особенностях вашей страны, или в привнесении сюда каких-то крупных соображений международного порядка. И когда у нас возникают такие сомнения, мы стараемся поднимать эти вопросы как из принципа, так и из любознательности.

Но позвольте мне вернуться к тому вопросу, который задали Вы. Он ведь действительно очень важен, ибо затрагивает проблему доверия и взаимопонимания между нашими странами.

ГОРБАЧЕВ. Да, давайте не будем терять нить разговора.

ФЭСЕЛЛ. Доверие, взаимопонимание – это самое главное, что нам нужно. И единственным путем к установлению доверия, как я думаю, являются именно такие контакты между нами. Я считаю их исключительно полезными, и мы очень признательны за то весьма гостеприимное отношение, которое было проявлено к нам в ходе нынешней поездки, за готовность обсуждать любые вопросы. Ни вы, ни мы не хотим нанести какого бы то ни было ущерба безопасности наших стран. И вы, и мы согласны, что нужны деловые взаимоотношения. Нужно понимание друг друга, мы ни в коем случае не хотим как-то ущемить ваши интересы или нанести вам ущерб.

ГОРБАЧЕВ. Но так ли это? Действительно ли это так в свете того, что происходит в последние двадцать дней?

ФЭСЕЛЛ. К этому вопросу я и подхожу. Я убежден, что нам совершенно необходимо прекратить тот своего рода пинг-понг, которым мы

в последнее время занимаемся. Должен признать, что у вас это хорошо получается.

ГОРБАЧЕВ. Мы как раз думали, что с подобным пинг-понгом мы покончили в Женеве, что там мы положили начало реальной, реалистической политике в отношениях между нашими странами.

ФЭСЕЛЛ. Мы тоже так думали.

ГОРБАЧЕВ. И что же вы считаете, что это мы свернули с этого пути?

ФЭСЕЛЛ. Нет, я так не думаю.

ГОРБАЧЕВ. Действительно, посмотрите на то, что мы делали после Женевы. Когда мы вернулись из Женевы, и 1 января истек срок нашего одностороннего моратория на ядерные взрывы, мы продлили этот мораторий еще на три месяца, ибо хотели показать пример, предпринять практические шаги в соответствии с Женевскими договоренностями. Мы сделали такие шаги и пригласили Соединенные Штаты к взаимности.

15 января мы выдвинули поэтапную, рассчитанную на 15 лет программу мер разоружения, предусматривающую ликвидацию ядерного оружия до конца нынешнего века. Причем мы очень тщательно разрабатывали эту программу, стремясь обеспечить на каждом ее этапе взаимоприемлемый баланс интересов, так, чтобы ни на одном этапе ничьи интересы безопасности не подрывались. Да любой другой подход был бы просто нереалистичным, предложи его мы или вы.

Мы призвали к прекращению ядерных испытаний потому, что рассматривали такую меру как простой шаг, который к тому же основывался на уже накопленном опыте. Действительно, между нами существует договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, соглашение об ограничении подземных ядерных испытаний, велись и переговоры о полном запрещении всех ядерных испытаний. Так что существует определенная база, имеется хороший опыт. Раньше вызывал трудности вопрос о контроле. Учитывая это, мы заявили о нашей готовности пойти на любые формы контроля – будь то национальные технические средства, международный контроль с

привлечением третьих стран, граничащих с нашими. Нам представлялось, что эта позиция является реалистической. Мы убеждены, что решение этого вопроса было бы хорошим делом для обеих наших стран, для всего мира.

ФЭСЕЛЛ. Я это вполне понимаю.

ГОРБАЧЕВ. В вопросе о ядерных ракетах средней дальности в Европе трудность вызывала проблема учета английского и французского ядерного потенциала. Мы раньше требовали, чтобы Соединенные Штаты убрали эти свои ракеты из Европы, и выражали готовность в этом случае сократить свои ракеты до уровня, эквивалентного количеству английских и французских ядерных средств. Но на этой основе договоренности не получилось. Тогда мы решили сделать шаг навстречу и заявили, что не требуем засчета английских и французских ядерных средств при достижении договоренности, а готовы пойти на то, чтобы Англия и Франция лишь отказались от наращивания своих ядерных потенциалов. Мы считали, что сделали реальный шаг навстречу другой стороне и ждали соответствующего ответа.

А что мы услышали в ответ? Какова была реакция? В ответ нам сказали, что, дескать, новое советское предложение лишь ставит всех в трудное положение. Нам стали говорить о якобы имеющемся у Советского Союза превосходстве по обычным вооружениям, о тактических ядерных ракетах и т. д. – в общем, весь обычный список. И это несмотря на то, что советские предложения предусматривают решение и этих вопросов – об обычных вооружениях, о химическом оружии, о тактических средствах. Все это есть в наших предложениях. Но мы сочли, что для того, чтобы облегчить переговоры, необходимо сделать какой-то первый шаг, и предложили такой первый шаг. Причем дополнительно разъяснили, что предлагаем решить этот вопрос, не увязывая его со стратегическими вооружениями и с космосом.

Полученный нами ответ, если суммировать, можно охарактеризовать как полностью негативный. Соединенные Штаты решили спрятаться за мнение своих союзников – западноевропейских стран и Японии, иначе им просто было бы трудно оправдать свою негативную позицию.

ФЭСЕЛЛ. Я не могу с этим согласиться. Ведь, если вы находите возможным ставить вопрос о прекращении модернизации *[так у Фэселла]* английских и французских ядерных средств, то как мы можем игнорировать модернизацию ваших ракет, нацеленных на Японию – нашего главного торгового партнера и друга в Азии. Вопрос этот действительно трудный, но решить его можно только одним способом – путем переговоров, путем активного обсуждения. Мы ни за кого не прячемся. Я хочу, чтобы Вы меня правильно поняли. Я убежден, что Вы предприняли ряд положительных шагов. Советскому Союзу, уверен, не требуется прятаться за чьей-либо спиной, не нужно это и нам. Реальность заключается в том, что нам с вами надо обсуждать и решать имеющиеся вопросы. В этом деле мы вместе. И ни в коем случае нельзя стремиться ущемить друг друга. Если хотите знать мое мнение, мнение человека, который, к сожалению, непосредственно не участвует в переговорах, то оно состоит в том, что нам прежде всего необходимо сейчас перестать заниматься тем, чем мы занимались в последнее время, ибо если подобного рода игра в пинг-понг или теннис будет продолжаться, то одна из сторон может вполне загнать другую в угол, из которого будет трудно выбраться, а делать так – плохая политика.

Ваша позиция сейчас нам очень хорошо ясна. Последние Ваши заявления и разъяснения, которые мы получили, думаю, позволили и мне, и правительству США составить ясное о ней представление.

Должен сказать, что когда мы ехали сюда, то у нас создавалось впечатление, что Советский Союз пойдет на проведение следующей встречи на высшем уровне, о которой стороны уже договорились, лишь при условии, если к ней заранее будет подготовлено и положено на бумагу какое-то вполне определенное соглашение. Честно говоря, Ваше весьма серьезное заявление, с которым Вы выступили в субботу, тоже создало у нас впечатление, что Вы стремитесь уклониться от проведения уже согласованной встречи на высшем уровне, ставя, как нам казалось, предварительное условие ее проведения. Однако в течение последних

нескольких дней мы убедились, что это впечатление было неверным. Это радует нас, поскольку позволяет идти вперед, продолжая вести поиски.

Я надеюсь, что когда А.Ф. Добрынин будет вести свои беседы в Соединенных Штатах, у него будет все необходимое для того, чтобы мы смогли, наконец, продвинуться вперед. Ибо я действительно считаю, что можно сделать нечто полезное и разумное, если только мы прекратим то, чем занимаемся в последние дни, и серьезно подумаем, что делать дальше. Мы понимаем, что продвижение вперед должно быть таким, чтобы не подрывать ваших позиций и ваших принципов. Это вполне естественно, и мы не требуем от вас чего-то такого, на что не пойдем сами. Но думаю, что путь открыт, есть возможность двигаться вперед, продолжать работу на основе того метода, который Вы и Президент так успешно использовали в Женеве.

ГОРБАЧЕВ. Хочу сказать следующее: в течение длительного времени, когда в США раскручивалась кампания против нас, я не выступал ни с какими комментариями, лишь наблюдал за этим странным соревнованием с участием Президента, госсекретаря, господина Уайнбергера, членов Конгресса США. Сказано против нас было много, даже вспомнили об «империи зла» и сказали, что такое определение было правильным. Все это отчасти можно было объяснить потребностями риторики, и поэтому я сначала воздержался от комментариев. Я понимаю, что подобная риторика нужна вам, скажем, для того, чтобы проталкивать военный бюджет: необходимо выставить Советский Союз в качестве такого пугала, нагнать страху на американский народ. Это нам известно. Этим примитивным делом и Конгресс, и администрация занимаются уже на протяжении десятилетий. И на это можно было бы не обращать внимания.

Но потом пошли вещи более серьезные – требование, чтобы Советский Союз сократил на 40 процентов число своих дипломатов в Нью-Йорке, появление американской эскадры в советских территориальных водах, акция против Ливии, которая не ограничилась демонстрацией мощи, а включала нанесение удара по этой стране.

Неужели в Вашингтоне думают, что имеют дело со слабонервными? Неужели считают, что сейчас можно действовать подобно азартным игрокам? Неужели так понимают в США дух Женевы? После всех этих шагов мы действительно должны задуматься о том, как бы у наших друзей в Вашингтоне не возникло впечатление, что мы в Советском Союзе – такие кроткие кролики, которые готовы сидеть тихо и ждать милости от Вашингтона.

Естественно, в этих условиях я не мог молчать, и я высказался. И что же – госсекретарь Шульц чуть ли не расплакался и в беседе с репортерами в самолете стал говорить, что вот, дескать, надо вести переговоры по закрытым, конфиденциальным каналам, а Генеральный секретарь вместо этого использует «публичную дипломатию». А что же мне делать, если сам господин Шульц, Президент США, другие государственные руководители развернули против нас настоящую кампанию?

Давайте не будем этим заниматься. Мы согласны, что нам необходимо работать совместно, искать пути улучшения наших отношений. Но разве это возможно в такой атмосфере, когда американские представители буквально обливают грязью нашу страну? Кто-то, кажется, господин Риган (*Риган, Дональд – в 1985-1987 годах руководитель аппарата сотрудников Белого дома США*), сказал, что если встреча на высшем уровне не состоится, то в Соединенных Штатах от этого не потеряют сна. Что же, мы тоже не потеряем от этого сна. Но разве такой подход серьезен? Разве это серьезная политика? Могу сказать определенно: мы за продолжение начатого в Женеве.

ФЭСЕЛЛ. Я вполне согласен с Вами: то, о чем Вы говорили, это несерьезная политика.

ГОРБАЧЕВ. Больше всего нас удивило то, что с резкими антисоветскими заявлениями выступали не какие-нибудь безответственные деятели или репортеры, а высокопоставленные руководители США. Могу Вам сообщить, что в предстоящие дни у меня состоится встреча с нашими рабочими. Я должен буду ответить им на тысячи их писем, которые я

получил и в которых задается прямой вопрос: что делают США после Женевы и что в этих условиях намеревается делать советское руководство? Я просто не могу не ответить на их вопросы, и я не закончу полемики, пока не выскажусь по этому поводу. В этом, в конце концов, тоже должен быть какой-то баланс.

Но главное – давайте все-таки подумаем вместе о том, что необходимо сделать после Женевы, как продолжить начатое. Ведь если начатое в Женеве сведется к тому, что происходит сейчас, то мы совершим огромную ошибку. Это будет плохо и для нас, и для вас, это будет подарком лишь тем агрессивным силам, которые до сих пор не оставили планов оказания давления на Советский Союз. Но ведь интересы этих сил не совпадают с интересами американского народа.

ФЭСЕЛЛ. Надо сделать все, чтобы этого не произошло. Что касается риторики, то должен сказать, что я на своем веку слышал огромное количество отрицательной риторики и в свой адрес, я знаю, как неприятно слышать такое. Понимаю, что такая риторика становится особенно неприятной, когда она обращена против всей страны, целого народа.

ГОРБАЧЕВ. Как же мне в таких условиях ехать к вам?

ФЭСЕЛЛ. Но, кстати, я заметил, что и в Советском Союзе порой делаются весьма резкие заявления и что у вас порой крепко достается нашему правительству, руководителям и Конгрессу США, да и американскому народу.

ГОРБАЧЕВ. Да, такое бывает.

БРУМФИЛД. Думаю, что в этих условиях очень важно, чтобы не нарушалось доверие между высшими руководителями наших стран.

ГОРБАЧЕВ. Да, это, видимо, последний резерв в наших отношениях.

БРУМФИЛД. Могу Вам сообщить, что Президенту Рейгану тоже крайне неприятен тот факт, что после Женевы нашим странам не удалось добиться продвижения вперед.

Мы понимаем, что ваша страна испытывает озабоченность по ряду вопросов, но и мы испытываем беспокойство по таким вопросам, как Афганистан, права человека, судьба Сахарова. Для нас все эти вопросы также важны, как те вопросы, которые перечислили Вы.

Откровенно говоря, нас беспокоило и то, что в Вашем недавнем заявлении, как нам показалось, было поставлено своего рода предварительное условие для проведения встречи на высшем уровне. Могло показаться, что Вы готовы на встречу лишь в том случае, если будет достигнута договоренность по затронутому Вами вопросу.

ГОРБАЧЕВ. Хочу сказать Вам сразу: чтобы мы могли успешно провести встречу на высшем уровне, нужна соответствующая атмосфера. В этом, я думаю, заинтересованы и мы, и вы. Думаю, что и вы заинтересованы в том, чтобы новая встреча не была пустым мероприятием. Если мы с вами найдем вопросы, которые можно было бы с пользой обсудить и договориться по ним, если у нас будет уверенность, что новая встреча действительно станет важным шагом, этапом на пути к оздоровлению наших отношений, то тогда проведение встречи будет действительно полезным и необходимым делом, и такую возможность ни в коем случае нельзя упускать. Но если встреча сведется лишь к обмену любезностями и ничего не даст в плане реальной политики, то это, как мне кажется, может лишь нанести ущерб обеим сторонам, ибо тогда можно будет подумать, что советское и американское руководство не способны принимать ответственные решения и вести реальную политику.

ФЭСЕЛЛ. Вполне согласен с Вами.

БРУМФИЛД. Думаю, что одна из сфер, где мы могли бы искать договоренность, является контроль. В этой связи хотел бы настоятельно призвать Вас внимательно рассмотреть просьбу Президента Рейгана о направлении ваших специалистов для знакомства с той новой техникой, которая имеется у нас, для контроля и изучения возможности решения сложных вопросов в этой области. Пусть ваши технические специалисты

посмотрят, что у нас есть для контроля. Судя по Вашим последним заявлениям, Советский Союз занял более позитивную позицию в отношении контроля, и я уверен, что, если нашим странам удастся достичь договоренности по проблемам контроля, другие договоренности непременно последуют.

ГОРБАЧЕВ. А у меня к Вам встречные предложения: давайте совместим наше предложение и ваше предложение, обсудим наше предложение о прекращении ядерных испытаний вместе с вашим предложением по контролю. Вы можете убедиться, что мы за все возможные формы контроля, и если у вас создавалось впечатление, что мы противились контролю, то убедитесь, что оно неверное.

Мы считаем также, что можно достичь договоренностей и по вопросу о ракетах средней дальности. Мы думаем, что в этих областях стороны могут предпринять шаги, которые были бы реалистическими, практически осуществимыми.

Когда мы ставим эти вопросы, то делаем это для того, чтобы проиллюстрировать то, о чем, на наш взгляд, можно договориться, а не в качестве какого-то предварительного условия. Если американская администрация хочет поднять какие-то другие вопросы, выдвинуть свои предложения, то пусть она это сделает. Но вместо этого американская администрация ведет себя так, будто единственным вопросом является вопрос о сроках проведения встречи на высшем уровне. При этом нам, я бы сказал, наивно объясняют, что надо, мол, установить срок, а после этого можно будет обсуждать все другие вопросы. У нас позиция ясная: мы за продуктивную встречу. Мы думаем, что в конечном счете такая встреча отвечала бы интересам администрации США. Когда она состоится – через шесть месяцев, через девять или одиннадцать месяцев – не столь важно. Главное, чтобы она была полезна.

ФЭСЕЛЛ. Здесь у нас с Вами действительно есть проблема, которую, на мой взгляд, необходимо очень тщательно и осторожно обсудить. Может

быть, я не прав, но думаю, что визит А.Ф. Добрынина является частью процесса, который должен позволить сторонам разъяснить друг другу свою позицию по этому вопросу.

ГОРБАЧЕВ. Он везет мое письмо Президенту Рейгану, в котором затрагивается и этот вопрос.

ФЭСЕЛЛ. Тут есть два важных момента, которые Вам следует в полной мере учитывать. Во-первых, Соединенные Штаты не хотят оказаться в положении, когда договоренность достигалась бы ради самой договоренности. Точно так же, как Вы не хотите, чтобы встреча состоялась ради самой встречи. Ясно, что нам надо договориться провести переговоры по существу вопросов так, чтобы при этом и вы получили бы удовлетворение, и мы не выглядели бы как сторона, стремящаяся к договоренности ради договоренности. Обе стороны, если посмотреть на существо вопросов, по-моему, не так уж далеки друг от друга. Да, ситуация между нами нелегкая, но все же, повторяю, мы не так уж далеки друг от друга. Поэтому надо, как говорится, сложить две головы вместе и подумать, как добиться продвижения вперед.

ГОРБАЧЕВ. Я, как Вы знаете, сказал недавно, что вопрос о встрече на высшем уровне по-прежнему находится в поле зрения обеих сторон. Вы понимаете, что я бы мог сказать, что он по-прежнему находится в поле зрения Советского Союза, но тогда это поставило бы под сомнение позицию США. Поэтому я не стал этого делать. В общем, мне кажется, что, если мы с вами будем пытаться «переговорить» друг друга, ничего хорошего из этого не выйдет.

ФЭСЕЛЛ. Вполне согласен с Вами.

ГОРБАЧЕВ. В области советско-американских отношений, как нигде, необходимо новое мышление. Однажды на встрече с госсекретарем Шульцем и г-ном Макфарлейном, на которой присутствовал и посол Хартман, я высказал ряд серьезных и принципиальных соображений, которые хотелось бы повторить здесь, так как мне кажется, что было бы очень важно, чтобы в

Соединенных Штатах полностью поняли это. От этого зависит доверие и взаимопонимание между нашими странами. Я сказал тогда г-ну Шульцу, что если отношения между нашими странами будут строиться на ошибочных представлениях, на иллюзиях, то ничего хорошего из этого не выйдет. Повторяю, на иллюзиях нельзя строить отношения. Например, если бы какая-то группа экспертов попыталась убедить американского Президента, что благодаря каким-то преимуществам, скажем, в области техники или космоса, у Соединенных Штатов есть возможность обогнать Советский Союз, и если бы Президент начал строить свою политику на основе такого представления, то это было бы огромной ошибкой. История показывает, что такое никогда не удавалось.

ФЭСЕЛЛ. Я, конечно, не могу говорить за Президента, но думаю, что вполне могу говорить на основе здравого смысла и исторического опыта. Они подсказывают, что всякое превосходство всегда было эфемерным и исчезало так же быстро, как и приобреталось. Скажу больше, – и может быть, кому-то из присутствующих не захочется меня слушать и придется заткнуть уши, – я убежден, что сила в качестве основы для проведения политики на международной арене сейчас почти полностью утратила свое значение.

ГОРБАЧЕВ. Действительно, **в наше время невозможно обеспечить безопасность военным путем.**

Еще одна иллюзия заключается в том, что можно обеспечить собственную безопасность в ущерб безопасности другого. От этой иллюзии особенно важно избавиться в советско-американских отношениях.

ФЭСЕЛЛ. Согласен с Вами.

ГОРБАЧЕВ. Я постоянно знакомлюсь с соответствующей информацией и пришел к выводу, что мы знаем практически все, что делаете вы, а вам известно практически все, что делаем мы. И это укрепляет нас в убеждении, что попытка строить внешнюю политику на стремлении к превосходству является иллюзорной. Обо всем этом я говорил на съезде

КПСС, где мы ясно и открыто заявили о том, как мы видим современный мир, роль в этом мире наших двух стран – СССР и США.

ФЭСЕЛЛ. Должен сказать, что Ваше выступление на съезде произвело очень сильное впечатление, оно отличалось устремленностью вперед и вызвало немалое восхищение проявленным в нем политическим мастерством и представленной экономической перспективой. Мы понимаем, что вы готовы всерьез заниматься важными проблемами отношений между нашими странами, проблемами обеспечения мира.

Что меня беспокоит – это вопрос атмосферы. В этом плане я обратил внимание и на некоторые моменты в Ваших высказываниях. Конечно, господствующие в США настроения отчасти основаны на самых настоящих предубеждениях. Надеюсь, что предубеждения в какой-то степени удастся преодолеть путем соответствующих усилий в области информации и взаимного просвещения на основе обменов, диалога, договоренностей по существу. Но это все лишь отчасти. Есть и другая сторона, о которой Вам, несомненно, известно.

Мы провели исключительно обстоятельную беседу с заместителем Генерального прокурора СССР. Мы понимаем, что нам необходимо лучше знать ваши законы, особенности вашей культуры. Но когда речь идет о деле конкретного человека, то самым важным оказываются не законы и другие подобные вещи, а сам конкретный факт. Например, живет в Америке человек, супруга которого в Советском Союзе, и вот оказывается, что эти люди не могут жить вместе. Или, скажем, какой-то человек обратился с прошением о выезде в Израиль, а вместо этого оказывается в Сибири. Конечно, с советской точки зрения все эти случаи могут иметь соответствующие оправдания и обоснования, но у нас видят не эти обоснования, а лишь самую человеческую трагедию. И хотя в каких-то случаях советская позиция может быть вполне оправданной, именно это создает ту атмосферу, которая обязательно должна быть изменена. Но как это сделать? Скажу откровенно: я не знаю как, это действительно серьезная проблема.

Приведу более конкретный пример. Мы с мистером Брумфилдом обратились с просьбой, которая, может быть, действительно выглядит несколько необычной. Речь идет о встрече с Сахаровым. Мы заверили, что готовы до нашего возвращения в США ничего не сообщать прессе о такой встрече. Мы очень высоко оценили бы возможность встретиться с такой важной фигурой, с человеком, имеющим большой вес в международном масштабе. Мы сказали, что готовы встретиться с ним в Горьком, если это возможно, или же в любом другом месте, куда вы могли бы его привезти. Нас устраивал бы любой разумный вариант. О такой встрече мы сообщили бы, лишь прибыв в США, и то, если бы нас спросили об этом корреспонденты. Должен, однако, с сожалением отметить, что мы не получили никакого ответа на нашу просьбу. Пожалуй, даже отрицательный ответ был бы лучше, чем просто его отсутствие.

После нашей встречи с Вами мы будем выступать на пресс-конференции, и, разумеется, найдется человек, который обязательно задаст вопрос о Сахарове и о правах человека. И поверьте мне, наш ответ на этот вопрос будет откровенным и честным. Мы скажем, что действительно поднимали вопросы, касающиеся прав человека, затрагивали их и в общем плане, и в применении к конкретным делам. На наш взгляд, поднятые нами вопросы были выслушаны со всем вниманием и будут конструктивно рассмотрены. Затем нас спросят: а удалось ли разрешить какие-либо конкретные дела? И здесь нам придется ответить, что, видимо, времени для этого было совсем мало, и поэтому мы могли лишь перечислить соответствующие вопросы и надеемся, что они будут рассмотрены.

БРУМФИЛД. Я тоже со своей стороны хотел бы отметить, что мы весьма разочарованы отсутствием возможности встретиться с Сахаровым. Мы передали нашу просьбу заблаговременно, но не получили ответа. Хочу, чтобы Вы полностью понимали, что из всех тех многочисленных и сложных вопросов, которые существуют и затрагивались нами, ни один вопрос не

вызывает большей озабоченности у большого числа людей в США, чем проблема прав человека.

ФЭСЕЛЛ. Причем не только в применении к евреям.

Вернусь к вопросу о Сахарове. Если он будет задан, то мне придется откровенно сказать, что вопрос о нашей встрече с ним решить не удалось. И хотя мы не получили официального ответа советской стороны, мне, видимо, придется сказать, что ответ был отрицательный. Это удивляет. Ведь Сахаров – такая известная личность, он герой в Советском Союзе, но не только в Советском Союзе, во всяком случае, он, наверное, продолжает быть уважаемым человеком в СССР. Ведь он не исключен из Академии наук, ему никогда не предъявлялось уголовных обвинений, и он никогда не был осужден судом. Однако при этом его жене приходится драться за то, чтобы ей разрешили поехать лечиться за границу, а сам он живет практически под домашним арестом в Горьком. Это сильно влияет на атмосферу в наших отношениях. Американцы во многом могут не разбираться, но это они не могут не видеть, ибо это очевидный, яркий факт, который нельзя заслонить.

Таким образом, Вам придется учитывать, что есть вещи, которые с советской точки зрения представляются вполне оправданными и разумными, но выглядят совершенно по-иному за пределами вашей страны.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, что на вашей пресс-конференции вы вполне можете сказать, что в ходе нашей беседы не менее 30 минут было посвящено вопросам прав человека и что вас очень внимательно выслушали.

ФЭСЕЛЛ. Ну, этого, видимо, не стоит говорить.

ХАРТМАН. Почему же, наоборот, это заявление прозвучало бы, наверное, позитивно.

ФЭСЕЛЛ. Чтобы завершить эту тему, я хотел бы высказать вот какое соображение. Я уже на протяжении нескольких лет как политик связан с этим трудным вопросом – проблемой прав человека. Все это время я участвовал в различных двусторонних и многосторонних обсуждениях этого вопроса и различных форумах, где были и советские представители, и у меня

создалось впечатление, что в Советском Союзе считают, что вопрос о правах человека каким-то образом подрывает позиции вашей страны, основы ее политики. Хочу заверить, что мы совершенно не имеем этого в виду. Я просто не представляю, каким образом любое рассмотрение вопроса прав человека, любое их обсуждение может во внутреннем плане или на международной арене как-то затронуть основы вашей системы, принципиальные интересы вашей страны.

ГОРБАЧЕВ. Хочу спросить: почему, когда Соединенные Штаты ставят вопросы прав человека, критике подвергаются прежде всего Советский Союз и социалистические страны, а не диктаторские режимы в тех странах, где каждый день гибнут десятки людей? Что Вы на это скажете?

ФЭСЕЛЛ. Лично я неоднократно занимался исследованием фактов и выступал с критикой именно в адрес таких стран, которые Вы имеете в виду. Мною подготовлены многочисленные доклады о положении в этих странах. Кроме того, мы принимали в отношении таких стран и конкретные меры.

ГОРБАЧЕВ. Но Вы не отрицаете, что в огромном большинстве случаев критика направлена исключительно против Советского Союза и социалистических стран?

ФЭСЕЛЛ. Видимо, это происходит потому, что СССР – большая и мощная страна, которая привлекает к себе большее внимание.

ГОРБАЧЕВ. Я не считаю это ответом, во всяком случае это не в духе нашей откровенной беседы.

ФЭСЕЛЛ. Что касается меня лично, то на моем счету больше докладов о положении не в Советском Союзе, а в других странах. Мы никого не щадим, даже с Турцией – нашим ближайшим союзником – однажды дело чуть было не дошло до военного конфликта. Мой помощник, присутствующий на беседе, занимался исследованием положения в этой стране и чуть было не поплатился жизнью.

Конечно, в таких странах, как Филиппины, Чили, Гаити, потребовалось определенное время, чтобы сдвинуть дело в области прав человека. Но мы

настойчиво добивались улучшения в этих странах, как в свое время в Бразилии, Аргентине и т. п. Одно время даже говорили, что мы уделяем столь большое внимание проблемам прав человека у наших друзей, что скоро у нас и друзей не останется. А Генри Киссинджер так на меня обиделся, что теперь даже со мной не разговаривает.

ГОРБАЧЕВ. Другой вопрос: почему, когда речь идет о правах человека, американская администрация и Конгресс не проявляют никакой готовности к самокритике? **Вы что ж, думаете, если вы объявили Америку «сияющим градом на холме», то все с этим согласны и будут, преклонив колени, молиться на него?**

Вы, наверное, обратили внимание, что мы на нашем съезде открыто и самокритично проанализировали положение в нашей партии и стране. А почему же вы не проявляете склонности к самокритике?

ФЭСЕЛЛ. Судя по тому, как Вы ставите вопросы, я вижу, что Вы не только замечательный руководитель, но и умелый адвокат.

Вопрос о правах человека глубоко затрагивает меня лично. Пять лет назад по моей инициативе был подготовлен доклад, в котором рассматриваются поднятые Советским Союзом вопросы о нарушении прав человека в США. Более того, там рассматриваются все подобные обвинения в наш адрес со стороны других стран. Эти вопросы обсуждались у нас в условиях гласности, на правительственном уровне. В итоге был подготовлен объемистый том, первый экземпляр которого мы послали делегации СССР. С тех пор этот доклад постоянно обновлялся. Готовя его, мы надеялись, что не только Советский Союз, но и все другие страны последуют этому примеру и проведут открытое и самокритичное рассмотрение положения с правами человека у себя дома. При этом я ни в коей мере не имею намерения пытаться изменить вашу систему, а лишь хочу, чтобы была очищена атмосфера, чтобы подобные проблемы не возникали в наших отношениях. Выступая в Конгрессе и по телевидению, я много раз говорил, что риторика

никогда не заменит политику. Но в то же время нельзя не видеть, что эти вопросы оказывают решающее влияние на настроения людей.

В этой связи я хочу сказать, что на нас большое впечатление производит то, как Вы непосредственно обращаетесь к вашему народу, выступая по телевидению, встречаясь с людьми, и мы с нетерпением ожидаем того дня, когда Вы прибудете в США и сможете так же прямо и открыто обратиться к американскому народу и к американским политическим деятелям.

ГОРБАЧЕВ. Хотел бы вернуться в принципиальном плане к нашим отношениям.

Еще раз повторю главное: необходимо отказаться от попыток строить наши отношения на иллюзиях и предубеждениях. Мы со своей стороны провели тщательный и реалистический анализ положения в мире и роли в нем США, и мы пришли к совершенно определенному выводу: отрицая гегемонистские притязания США и претензии их на какую-то особую роль, мы в то же время признаем, что США являются реальностью, более того, самой серьезной реальностью среди стран, с которыми мы имеем дело. **У США есть законные интересы, и мы признаем роль США в международных делах, вклад американского народа в развитие мировой цивилизации и тот факт, что невозможно решить мировые проблемы и прежде всего проблему обеспечения мира без США.** Все это мы хотим отразить в своей практической политике. Поэтому и стремимся оздоровить отношения между нашими странами, хотим достичь взаимопонимания между СССР и США и, в первую очередь, в решении вопросов, от которых зависят судьбы мира.

Как же отражается все это в сознании американских политиков? Вот как: мирные намерения Советского Союза рассматриваются как признак слабости.

Мы получили недавно информацию о том, что в американском Конгрессе проведен тщательный анализ планов экономического и

социального развития СССР в свете материалов съезда КПСС. Авторы этого анализа считают, что Советский Союз заинтересован в разоружении, поскольку остро нуждается в ресурсах для своего экономического развития. Какой же вывод они делают? А вот какой: необходимо использовать эту заинтересованность Советского Союза для того, чтобы выбить из него односторонние уступки, на которые он не пошел бы в иных обстоятельствах.

ФЭСЕЛЛ. Я никогда не слышал о таких выводах. Может быть, подобное есть у кого-то в умах, но я думаю, что такие намерения невозможно осуществить.

ГОРБАЧЕВ. Следующий тезис этого анализа: Советский Союз выступает за прекращение ядерных испытаний. СССР так хочет добиться этой цели, что сам Горбачев включился в эту кампанию. Отсюда вывод: США необходимо продолжать испытания.

ФЭСЕЛЛ. Это содержится в докладе американского Конгресса?

ГОРБАЧЕВ. Не буду посвящать Вас в подробности, но эту информацию мы получили из Вашингтона.

Далее эти аналитики говорят, что Советский Союз и лично Горбачев выступают против стратегической оборонной инициативы, и поэтому США необходимо продолжать ее осуществление. Я уж не говорю о том, что высказывается надежда на возможность внести раскол в советское политическое руководство, противопоставить Горбачева военным и т. п.

ФЭСЕЛЛ. Я никогда не слышал о подобных выводах.

ГОРБАЧЕВ. Мой совет: не надо лезть в эту тайгу, в эти дебри.

Мы со своей стороны предприняли немало реальных шагов для того, чтобы продемонстрировать, что мы хотим улучшения отношений с вами. Конечно, я понимаю, что некоторым группам такое улучшение не выгодно, но убежден, что американскому народу оно было бы очень выгодно. Ведь именно народ прежде всего страдает от гонки вооружений в мирное время, а в случае войны народ становится пушечным мясом и расплачивается миллионами жизней.

ФЭСЕЛЛ. Это, несомненно, так.

ГОРБАЧЕВ. Мы за движение навстречу друг другу в отношениях между нашими странами, за оздоровление атмосферы. Эти отношения, их атмосфера ни в коем случае не должны становиться разменной монетой в политической игре. Сегодня, как никогда, руководящие круги наших стран нуждаются в ответственной политике.

У нас и у вас есть свои проблемы в политической, экономической, социальной сферах. Нам есть чем заниматься. Тем временем в различных мозговых трестах разрабатываются стратегические схемы, авторы которых, как фокусники, распоряжаются судьбой миллионов людей. А рекомендации этих мозговых трестов сводятся к тому, что Советский Союз, видите ли, представляет собой главную угрозу и для США, и повсюду в мире. Я уже говорил: надо отказываться от пещерного мышления. Я понимаю, есть политики и дипломаты, которые на протяжении десятилетий связывали себя с такой политикой и с таким мышлением. Но разве им принадлежит истина в последней инстанции? В ядерный век необходимо новое мышление. И прежде всего оно необходимо Соединенным Штатам и Советскому Союзу в их отношениях друг с другом. Мы ничего у Соединенных Штатов не выпрашиваем, а хотим только одного — оздоровления наших отношений, достижения договоренностей, реальных практических шагов.

ФЭСЕЛЛ. Хочу полностью согласиться с этим прекрасным высказыванием.

Что касается перечисленных Вами выводов, то они меня беспокоят. Ведь Вам приходится воспринимать подобные высказывания как реальность. Лично я убежден, что авторы подобных выводов не учитывают помимо прочего такого важнейшего аспекта, как история вашего народа. Этот народ доказал свою способность пойти на любые жертвы ради своей независимости. Ведь не просто так положили свои жизни 20 миллионов ваших людей в последней войне. И те политические деятели, и сотрудники мозговых трестов, которые думают, что советский народ остановится перед

жертвами, защищая то, что ему дорого, живут не в реальном мире, а в каком-то другом.

Думаю, что одним из самых важных итогов Вашей встречи с Президентом Рейганом было то, что впервые два руководителя заявили о том, что в ядерной войне не может быть победителя, и она никогда не должна быть развязана. Больше того, вы вместе заявили о том, что не должно быть и войны с использованием обычных вооружений, и ни одна из наших стран не пойдет на такую войну иначе, как в ответ на непосредственную агрессию. Какой вопрос ни взять, – будь то ограничение испытаний, запрещение химического оружия, – выработанные в Женеве рамки дают хорошую основу для его решения.

Я лично убежден, что совершенно неразумно выступать за продолжение ядерных испытаний, исходя из каких-то политических соображений. Но в то же время вы должны понимать, что до тех пор, пока не будет достигнута договоренность по вопросу о контроле, и до тех пор, пока у нас не будет договоренности по проблемам ракет, то есть относительно их количества и всех других характеристик, у нас всегда будут оставаться сомнения относительно военной целесообразности такого шага.

ГОРБАЧЕВ. А разве у нас не может быть подобных сомнений? И тем не менее мы предложили на взаимной основе отказаться от ядерных испытаний.

ФЭСЕЛЛ. Нам необходимо найти путь к достижению каких-то практических результатов.

ГОРБАЧЕВ. Поэтому мы и надеялись, что Президент позитивно откликнется на наше предложение. Нас часто обвиняют в том, что наши предложения – это пропаганда. Ну что ж, если это пропаганда, то почему же тогда не поймать Горбачева на слове, почему же не испытать его намерения, приняв наше предложение.

ФЭСЕЛЛ. Знаете ли, элемент политической игры и пропаганды есть, наверное, во всем, но, думаю, Вы правы: с политической точки зрения самое

правильное было бы подвергнуть проверке ваши намерения, откликнувшись на ваши предложения. Однако реальность состоит в том, что Соединенные Штаты не готовы, у них по какой-то причине – то ли политической, то ли военной, не знаю – нет возможности сделать сейчас большой прыжок, к которому вы призываете. Поэтому если можно было бы найти какой-то другой шаг, который не подрывал бы отстаиваемый вами принцип, выдвигаемую вами конечную цель и в то же время позволил бы воспользоваться вашим предложением, то это было бы лучше всего. Может быть, следует провести встречу экспертов еще до встречи на высшем уровне, с тем чтобы они подготовили договоренность, которую потом можно было бы подписать.

ГОРБАЧЕВ. Мы же предложили провести такие переговоры и даже назначили делегацию во главе с Петросьянцем (*Петросьянц Андраник Мелконович – в 1978-1986 годах председатель Государственного комитета СССР по использованию атомной энергии*) для обсуждения этих вопросов с американской стороной. Мы стараемся во всем идти вам навстречу, буквально ухаживаем за США. Что же это за страна, которая заставляет за собой все время ухаживать?

ФЭСЕЛЛ. Знаете, я представляю Демократическую партию и не голосовал за Президента Рейгана на последних выборах. Но я неоднократно встречался с ним и обсуждал множество проблем. Я убедился, что он совершенно искренне стремится к достижению какой-то договоренности между нашими странами, которая позволила бы ослабить напряженность и прекратить гонку вооружений. И тот факт, что сейчас на политической арене находятся два таких лидера – Президент и Вы, человек, вызывающий к себе огромный интерес и восхищение, – без преувеличения дает уникальную возможность, которой у нас давно не было и которая, может быть, не скоро представится вновь. Конечно, я и на следующих выборах буду поддерживать свою партию. Но хочу заверить Вас, что Рейган – самый популярный Президент в истории США со времен Рузвельта.

Новый Президент будет человеком новым, ему потребуется пара лет, чтобы он разобрался, где какая дверь в Белом доме.

Таким образом, наилучшая ситуация для договоренности сейчас, когда с вашей стороны имеется новое руководство, новый подъем, а с нашей стороны – Президент, который хочет войти в историю как миротворец. Важно и то, что он сможет добиться поддержки в этом со стороны американского народа.

ГОРБАЧЕВ. Что ж, давайте искать шаг, который мы могли бы совместно сделать. Но повторяю: встреча будет полезной, и атмосфера в наших отношениях улучшится лишь в том случае, если мы найдем вопрос важный по существу, договоренность по которому действительно означала бы крупный шаг вперед после Женевы. В противном случае, если мы будем лишь обмениваться любезностями, а гонка вооружений в это время будет продолжаться и распространяться на новые сферы, то это будет самый настоящий обман. Не знаю, как такой обман выглядит с точки зрения моральной в США, но для нашей морали это не подходит.

Теперь о гуманитарных вопросах. Мы привержены этой теме, готовы ее обсуждать. Мы подписали Заключительный акт совещания в Хельсинки не под давлением. Если бы это не отвечало нашим интересам, мы бы его не подписали. Мы также подписали практически все имеющиеся пакты по политическим, социальным и другим правам человека и приглашаем Соединенные Штаты последовать нашему примеру. Пора бы вам, наконец, это сделать. В свое время Президент обещал мне уделить внимание этому вопросу, но, видимо, забыл.

ХАРТМАН. Мы ратифицировали одну из таких конвенций.

ГОРБАЧЕВ. Повторяю, мы этим вопросам придаем большое значение. Вы, может быть, обратили внимание на то, что в выдвинутых на съезде КПСС предложениях о создании всеобъемлющей системы международной безопасности сотрудничество в гуманитарной сфере выделено особо. Так что для нас эти вопросы не менее важны, чем для США.

Все такие вопросы, будь то с социалистическими или с капиталистическими странами, в том числе с США, мы стремимся разрешать конструктивно. Конкретные примеры этого известны послу Хартману. В то же время в отношении нескольких фигур мы с вами никак не можем прийти к согласию. Это лица, к которым у нас в стране были применены меры согласно нашим законам, поскольку их деятельность противоречила этим законам. Но даже и в случае, например с Щаранским, мы нашли решение. Мы обменяли этого шпиона на нашего разведчика.

Повторяю, мы готовы обсуждать любые вопросы. Как я понимаю, есть определенная договоренность между Конгрессом США и Верховным Советом СССР относительно организационных рамок обсуждения гуманитарных вопросов.

ТОЛКУНОВ. Да, мы обсуждали такую возможность в ходе визита спикера палаты представителей США Т. О'Нила.

ГОРБАЧЕВ. Любой конкретный вопрос в этом плане, поднимаемый администрацией или Конгрессом США, будет нами рассмотрен.

Но если права человека используются для пропаганды в узкополитических целях, для вмешательства во внутренние дела СССР, **если дело доходит до того, что советские законы обсуждаются в американском Конгрессе, то это недопустимо.** С вмешательством в наши дела мы никогда не согласимся.

В целом я доволен нашей с вами дискуссией, которая, на мой взгляд, была откровенной и открытой. Я вообще за открытое и честное обсуждение любой проблемы. Ведь даже если нам о чем-то не удастся договориться, дискуссия все равно полезна.

На днях я принимал редактора алжирской газеты. И он задал мне довольно каверзный вопрос: а возможно ли вообще улучшение отношений между СССР и США в сложившейся ситуации? В ответ ему я сказал, что речь, видимо, должна идти, скорее, о том, как это сейчас необходимо. Это сейчас самое главное.

Если Соединенным Штатам нужно больше времени для того, чтобы обдумать происходящее и принять ответственное решение, что же, мы готовы подождать. Но одно нельзя откладывать – это вопросы разоружения. Ведь локомотив продолжает нестись вперед на огромной скорости. Сегодня еще есть возможность остановить его, но завтра может оказаться поздно. Поэтому я в своих заявлениях так настойчиво подчеркиваю необходимость действовать именно сейчас. Мне хотелось бы, чтобы меня правильно понимали. Мы не скрываем, что действительно заинтересованы в этом, но необходимо видеть причины этой нашей заинтересованности. Пока что я не могу сказать, что меня в США правильно понимают.

ФЭСЕЛЛ. Действительно, очень важно, чтобы Вас правильно понимали. И поэтому так важно использовать любую возможность для контактов и улучшения взаимопонимания. Этот процесс сам по себе совершенно необходим. Мы с мистером Брумфилдом очень довольны этой открытой и откровенной дискуссией с Вами. Думаю, что она позволила нам лучше понять Вас как человека, лучше понять позиции вашей страны.

ГОРБАЧЕВ. Как знает посол Хартман, мы стремимся как можно чаще встречаться с представителями администрации и Конгресса, научного мира, выслушивать их. **Ведь и я хочу лучше понять политику, намерения, интересы США с тем, чтобы учитывать их в выработке нашей политики,** в поисках шагов к нормализации наших отношений. Надеюсь, что со своей стороны и посол Хартман, и конгрессмены Фэселл и Брумфилд смогли составить более полное представление о наших позициях.

История рассудила так, что наши страны противостоят друг другу. Но мудрость государственных руководителей в наше время должна заключаться в том, чтобы сделать из этого факта позитивный вывод, добиваться того, чтобы он не привел к военной конфронтации между нашими странами. Ради достижения этой цели, думаю, не жалко никаких усилий.

ФЭСЕЛЛ. Согласен. Хочу добавить к этому, что наши страны не должны позволять и другим, малым странам втягивать нас в конфронтацию

друг с другом. Мы с вами живем не в вакууме, а в мире, который смотрит на нас.

БРУМФИЛД. Хочу поблагодарить Вас за оказанную нам честь, за подробное изложение Ваших позиций. Хочу заверить Вас в том, что Президент Рейган всей душой стремится к урегулированию проблем, существующих между нашими странами. Хотелось бы надеяться, что диалог, начатый в Женеве, был бы продолжен. Мы обсудили много вопросов, и я хочу заверить Вас, что в самые ближайшие дни по возвращении из СССР мы подробно доложим Президенту об этой беседе, обсудим результаты нашей поездки в СССР.

В заключение хочу сказать Вам, что я много читал о Вас в американских газетах, которые пишут, что Вы очень популярны в СССР, точно так же, как Президент Рейган популярен в США. Теперь я могу сказать, что я понимаю, почему это так. Вы ярко представляете точку зрения СССР, свои взгляды. Хочу выразить надежду, что предстоят и новые встречи, которые позволят нашим странам добиться улучшения наших взаимоотношений.

ФЭСЕЛЛ. В заключение беседы я хотел бы поблагодарить также всех, кто участвовал в организации нашей поездки, всех, кто позволил нам провести исключительно содержательные и полезные встречи и беседы. Я много слышал о вашей культуре, и на этот раз смогу, наконец, познакомиться с нею. Я лучше узнал ваших руководителей, ваш народ. Благодарю Вас.